

ГЛАВА V. Бюрократизм: централистские и децентралистские тенденции

Государственная организация нуждается в многочисленной и строго структурированной бюрократии. Это важный фактор в системе потребностей правящего класса, обусловленных его стремлением к распространению своего влияния и удержанию власти.

Инстинкт самосохранения подталкивает современное государство к тому, чтобы привлекать на свою сторону и удерживать возле себя как можно большее количество сторонников. Эта потребность государственного организма тем больше, чем ярче проявляется несовершенство современного общественного порядка, то, что официальная власть назвала бы неудовлетворенностью. Заручиться поддержкой максимального количества сторонников государству лучше всего удастся, когда оно самостоятельно возвращает целую касту чиновников, напрямую зависящих от него. Этому стремлению содействуют и тенденции современной экономики. С одной стороны, со стороны государства появляется невероятное количество свободных должностей, с другой – со стороны граждан возникает дополнительный спрос (потребность в государственном управлении), причина которого кроется в нарастающей неуверенности. Это чувство незащищенности хорошо знакомо всем, кто принадлежит к средним социальным слоям (мелким промышленникам, ремесленникам, розничным торговцам, крестьянам) со времен формирования могущественного, экспроприаторского капитализма, с одной стороны, и формирования организованного рабочего класса – с другой, поскольку оба указанных движения направлены против средних слоев населения. Состояние современной экономики угрожает благосостоянию всех этих людей. Все они стремятся пристроить своих сыновей где-нибудь в другом месте. Государственная кормушка с ее гарантированными пенсиями кажется им идеальным вариантом. Из-за чрезмерного спроса на государственные должности, всегда превышающего предложение, формируется так называемый просвещенный пролетариат. Из него складывается масса, чувствительная к значительным изменениям. Ведь время от времени государство под давлением спроса на должности оказывается в бедственном положении, когда оно обязано открыть шлюзы бюрократии, чтобы суметь пристроить тысячи новых соискателей, превратив тем самым опасного противника в ревностного защитника и сторонника. Существует два типа интеллектуалов. Первый формируют те, кому удалось пристроиться возле государственной кормушки, второй – те, кто, выражаясь

словами Сципиона Сигеле, осаждают крепость, но не может в нее проникнуть[242]. Первых можно сравнить с толпой рабов, которые всегда готовы защищать государство, своего кормильца. Чего бы им ни стоила эта защита, они идут на нее отчасти из-за классового эгоизма, отчасти ради собственной выгоды (страха потерять свое место). Поэтому их можно рассматривать как главную опору государства. Другие же, напротив, являются заклятыми врагами государства. Мятущиеся души, руководители гражданской оппозиции, отчасти перенимающие функции руководителей революционных партий пролетариата. Ряды государственных служащих расширяются медленнее рядов недовольных представителей средних слоев. Но все-таки ряды бюрократии расширяются. Таким образом, бюрократия превращается в бесконечную спираль, имеющую все меньшее отношение к всеобщему благу. Однако от этого она не перестает быть необходимой. Только бюрократии удастся удовлетворить потребность в стабильном уровне жизни со стороны интеллигенции. Но по большей части она – средство самозащиты государства, неизбежное следствие необходимости защищать право собственности, которое основывается на весьма неустойчивом юридическом базисе, а также способ борьбы с возродившейся и протестующей общественной совестью, как это сформулировал Амилькаре Пувиани, выдающийся и слишком рано погибший экономист Университета Перуджи, автор знаменитого труда о государственных легендах[243].

Некоторые из этих черт в равной мере присущи государству и партии. Государство или партия, в которых элита составляет очень небольшой социальный слой, другими словами, в которых олигархия представлена меньшинством, рискуют быть раздавленными демократическим порывом масс. Поэтому современные партии, как и современные государства, стремятся обеспечить себе как можно более широкий базис, с помощью финансов привлечь как можно большее количество сторонников. В современных партийных системах возникает все больше задач, продиктованных ростом потребностей, что приводит к появлению бюрократии (см. ч. II, А, гл. 2).

Развитие партийной бюрократии наносит непоправимый ущерб двум основополагающим элементам любого социалистического порядка: осознанию главных общекультурных целей идеала социализма и международному разнообразию его вариантов. Механизм превращается в самоцель. Способность верно сформулировать особенности и условия существования рабочего движения за рубежом движется в том же направлении. Во времена «социализма эмигрантов» заняться было нечем, кроме как защищать принципы высокой политики с позиций классического интернационализма. Каждый был, так сказать, специалистом в этой широкой и всеобъемлющей области. Вся их жизнь вела к этому пути: оживленные дискуссии у кипящего самовара и вечное чувство локтя с теми, кто говорил на всех возможных языках, как и вынужденная изоляция из родного мира и невозможность взяться «за дело». Чем шире, однако, распахивались двери в их собственной стране – сначала для проведения агитационной, а позже организационной работы, – тем отчетливее в их умах понимание партийных потребностей и ее повседневных нужд одерживало верх над бессмертными принципами. Их поле зрения стало гораздо более сфокусированным, но оттого гораздо уже. Чем больше ситцепечатников, токарей и щеточников каждый месяц принимает в профсоюз его руководитель, тем лучше он разбирается в проклятых тонкостях страхования от несчастных случаев и пенсиях по инвалидности. Чем усерднее он погружается в вопросы фабричных инспекций и промышленного судопроизводства, чем

больше следит за тем, сколько газа потрачено на коммунальное освещение, тем труднее ему следить за самим рабочим движением, тем меньше времени, желания и сил в соответствии с его психофизическим состоянием ему остается на решение значительных историко-политических вопросов, тем более ошибочными становятся его суждения о международных отношениях и все чаще ему хочется признать некомпетентным каждого, кто руководствуется не практическими, а возвышенными идеями. Он отказывается признать вменяемым, вообще допустить до социализма любого, кто хочет – или вынужден – вести борьбу на другом поле или в другой форме, которая отличается от того «карликового» социализма, к которому он привык. Эта склонность углубляться в частности в ущерб «широкому» взгляду в суть вещей является общей тенденцией современного развития. Даже энциклопедисты сегодня уже находятся на грани вымирания из-за бесконечно растущего объема теоретического материала. Сегодня универсальный ученый должен потесниться и уступить место орнитологам и энтомологам, а последние, в свою очередь, отступают перед лепидоптерологами, колеоптерологами и мирмекологами.

О так называемых унтер-офицерах низших и средних слоев в иерархии партийной бюрократии можно сказать то же, что Альфред Вебер говорил о бюрократии в целом во время своего выступления на венском съезде общества социальной политики в 1909 году[244]. Бюрократия – заклятый враг индивидуальной свободы и любой честной внутренней политики. Зависимость среднего партийного класса от вышестоящих инстанций уничтожает индивидуальность, превращает членов общества в филистеров и мещан. Дух бюрократии развращает характер и приумножает беспринципность. В любой бюрократической системе царит карьеризм, особое внимание к повышению по службе и, соответственно, к управляющим, высокомерие по отношению к подчиненным, подхалимство перед начальниками. Вольфганг Хайне, один из неутомимых борцов за исчезающую личную и интеллектуальную свободу внутри партии, все время предупреждал о «тенденции к бюрократизации и подавлению личности». В качестве устрашающего примера он приводит призрак Прусского государства с его образцовой бюрократической системой и унифицированным порядком управления. Несмотря на все ее внешние достоинства и достижения, по сути это отстающая политическая система. В ее рядах нет достойных личностей, а если они и встречаются, система не может их вынести и со временем превращается в бездушную рутину и противится любому внутреннему развитию[245]. Однако удовлетворительное оправдание каждой централизованной системы заключается в накопленном опыте: для быстрого решения определенных вопросов необходима слаженность работы. Удовлетворительное выполнение определенных функций, например подготовка важных статистических отчетов, совершенно невозможно в условиях федерализма.

Внешняя форма власти лидеров над партийными массами многократно видоизменялась в процессе своего становления, следуя за историей развития самого рабочего движения.

В Германии власть партийных лидеров, реагируя на национальный характер и недостаточное развитие политического сознания масс, сначала существовала в форме монархии, то есть в форме неограниченной индивидуальной диктатуры. Первой организацией немецких рабочих стал основанный Фердинандом Лассалем в 1863 году Всеобщий германский рабочий союз, существовавший до 1875 года, вплоть до

объединения с «эйсенаховцами». Созданный по личной инициативе этого экстраординарного человека, союз во всех своих проявлениях сохранял черты его индивидуальности. Некоторые утверждали, что союз Лассалья был создан по аналогии с Немецким национальным союзом. Возможно, это и применимо к его нижним слоям, но не к верхушке. Организация состояла из объединенного союза, не разделенного на отдельные секции, но распространенного по всей территории Германии. Состав союза не определялся географически, а напрямую зависел от центральной организации. Однако в отличие от Немецкого национального союза центральное управление союза рабочих было организовано не по принципу разделения властей и полномочий, а было сосредоточено в руках одного человека. Фердинанд Лассаль, а затем его преемник Иоганн Баптист Швейцер в роли председателей Немецкой рабочей партии, по сути были дожами Венецианской республики, с тем отличием, что полнота власти последних была стеснена институтами олигархического контроля. Президент руководствовался династическими принципами, не подчинялся никакому контролю. Он *motu proprio* назначал своих заместителей, доверенных лиц и даже преемников. Он отдавал приказы. Остальные повиновались. Это устройство союза соответствовало не только личным чертам Лассалья, его неукротимой воле к власти и эгоистичному характеру[246], что, несмотря на его гениальность, так мешало ему разбираться в людях, но и его личным представлениям об устройстве и задачах партии. В своей речи, произнесенной в Ронсдорфе, он говорил: «Где бы я ни оказался, я слышал слова рабочих, сложившиеся в главный тезис: все свои стремления мы должны переплавить в молот и вложить этот молот в руки одного человека, разуму, нраву и доброй воле которого мы можем доверять, чтобы он этим молотом мог нанести сокрушительный удар». К этому он добавил: «Две противоположности, которые до сих пор не могли примирить наши государственные министры, – власть и свобода: их примирение стало поиском философского камня. Эти величайшие противоположности объединились в нашем союзе, который в пока еще небольшом формате представляет собой модель грядущего социального порядка»[247]. Диктат президента, однако, воспринимался Лассалем не как острая сиюминутная мера, необходимая организации, ведущей борьбу[248], а как конечная цель рабочего движения вообще[249]. Во времена Лассалья немецкое рабочее движение было развито довольно слабо, и этому несмышленному малышу явно была необходима поддержка любящего отца. В своем завещании отец назначил ему опекуна. Лассаль мог завещать рабочее движение, словно имущество. Судебная и исполнительная власть в руках одного человека, квинтэссенция системы немецкого рабочего движения на заре его развития, сохранялась и после смерти Лассалья, во времена правления Швейцера [250]. Эта в значительной степени авторитарная склонность возникла не из сиюминутной исторической необходимости, но, как уже было отмечено, была следствием этнических особенностей германской культуры. Со временем эти особенности заметно поблекли под влиянием демократической теории и демократической практики, а также из-за разницы во взглядах на Севере и Юге страны. Но эта тенденция не пропала и может развиваться снова.

Параллельно с закрытой немецкой системой Лассалья власть международных союзов принимала другие формы организации. Национальная ревность некоторых членов этих союзов друг к другу в международных рабочих ассоциациях исключала возможность утверждения диктатуры. Так, в Лондоне был сформирован генеральный совет, орган высшей диктаторской власти, составленный из представителей разных государств. Полномочия такого правительства во многих аспектах тоже были неограниченны, как и

полномочия Лассалья в рабочем союзе Германии. Оно запрещало союзам, находившимся в его подчинении, избирать собственное руководство, так как считало это нарушением принципов демократии[251]. Но в отношении самого правительства, как с гордостью утверждали самые талантливые его представители, это было проявлением «коллективного руководства». Все ключевые посты занимали сами члены правительства, например пост казначея, генерального секретаря или пресс-секретаря в других государствах. Правительство не чуралось в случае необходимости назначать одного человека сразу на несколько должностей. Немец Энгельс одновременно исполнял обязанности пресс-секретаря в Испании, Италии, Португалии и Дании[252]. Секретариат всегда обладает определенными привилегиями, утверждает или отклоняет формирование новых отделений партии, предоставляет или отказывается в финансовой поддержке, принимает решение в спорных вопросах и т. д.[253] Без сомнения, в действительности все важные теоретические и практические решения генерального совета подчинялись воле одного человека – Карла Маркса[254]. Разрыв между олигархией *de jure* и монархией *defacto* в генеральном совете был основной причиной гибели Первого интернационала. Генеральный совет, особенно Маркс, был обвинен в отрицании принципов социализма, поскольку он в своей гнусной воле к власти использовал принципы авторитаризма для решения вопросов рабочей партии[255]. Сначала эти обвинения раздавались извне, они исходили от групп, не представленных в генеральном совете: Бакунина, итальянцев, представителей кантона Юра. Однако генеральный совет был непреклонен. На конгрессе в Гааге в 1872 году авторитаризм одержал уверенную победу над антиавторитаризмом благодаря использованию авторитарных мер (охота за мандатами, проведение партийных съездов в недоступных или труднодоступных для конкурента регионах [256]). Но вскоре обвинения в авторитаризме раздались и внутри самого генерального совета. Маркс почувствовал, что его вчерашние союзники: французские революционеры[257], лидеры английских профсоюзов[258] и немецкие эмигранты в Англии[259] – от него отвернулись. Олигархия уничтожила завуалированную монархию.

Когда в 1889 году возник так называемый Второй интернационал, то есть социалистические партии разных государств снова обязались собираться на совместные совещания и время от времени проводить конгрессы, в результате изменилась, по словам Иекка, сама идея интернационализма. Старый Интернационал работал в условиях максимально строгой централизации международного пролетариата, «чтобы в каждой точке, где вспыхивает экономическая классовая борьба, была возможность вывести на первый план объединенную организованную власть рабочего класса»[260]. Новый Интернационал, в свою очередь, был учрежден как абсолютно нежесткое объединение отдельных, внутренне четко структурированных национальных ячеек, нечто вроде межгосударственного объединения, конфедерации полностью автономных государств. Он был лишен какой либо организации [261]. Старый Интернационал был единоличной диктатурой под маской олигархии. Новый Интернационал скорее напоминал Республику Соединенных провинций Нидерландов: федеративную республику, состоящую из нескольких независимых олигархических систем. Генеральный совет в Лондоне был всемогущ. Современное Международное социалистическое бюро, заседающее в Брюсселе, было по большому счету канцелярией без какого бы то ни было авторитета. Международные социалистические конгрессы предоставили мощным и самоуверенным национальным олигархическим правительствам возможность международных интервенций. Это особенно верно по отношению к немецкой

социал-демократической партии, которая небезуспешно пыталась навязать другим социалистическим партиям свою тактику вербальной революции, возникшую из особого положения Германии, вплоть до конгресса в Штутгарте в 1907 году, на котором партия уже была вынуждена защищаться[262]. Однако международную унификацию тактики всегда сдерживали различные потребности отдельных национальных олигархий. Национальное превосходство все еще возможно в интернациональных объединениях. Национальная диктатура, однако, уже не имеет права на существование. Страх перед насилием становится тем сильнее, чем более самостоятельными становятся отдельные партии. На пути международной централизации встает конкуренция централизованных национальных правительств. Каждая национальная партия следит за тем, чтобы никто не посягнул на ее права[263]. Международная значимость постановлений, принятых в ходе больших интернациональных конгрессов, весьма сомнительна. На конгрессе в Амстердаме в 1904 году Ансееле четко заявил, что не считает себя обязанным следовать принятой международной резолюции, запрещающей социалистам принимать участие в буржуазных министерских выборах[264]. Так же и Фольмар – с одобрения немцев – отказался поддержать вмешательство французов в военную политику немецкой социал-демократической партии, даже если оно будет выражено в принятии международной резолюции, регулирующей отношения между социалистическими партиями в случае объявления войны[265]. При ближайшем рассмотрении международные конгрессы социалистов напоминают сословное устройство ландтага, который яростно стремится не уступить ни йоты своих «свобод» (то есть личных привилегий) Его Величеству Интернационализму[266]. Национальные олигархии способны признать ценность и целесообразность принятых международным сообществом постановлений, когда с их помощью они смогут гарантированно избавиться от назойливых партийных объединений. Руководители меньшинств подтверждают искренность своего социализма печатью интернациональности. Или лидеры большинства по возможности, говоря политическим языком, душат лидеров меньшинства, которых не могут победить на собственной территории, на территории интернационализма. Примером первого служит французская партия гедистов, выступавшая против своего «старшего брата» – Жореса на амстердамском съезде 1904 года и пытавшаяся подорвать доверие к нему во имя французской внутренней политики[267]. Примером второго – немецкая и итальянская социал-демократические партии, которые снова и снова (Париж, 1889, Цюрих, 1893, Лондон, 1895) использовали международные конгрессы для того, чтобы с помощью международной судебной власти избавиться от своих анархистских и антипарламентских фракций.

Вместе с международной децентрализацией сегодня полным ходом идет и национальная централизация. Однако этот тезис нуждается в некоторых оговорках.

Наряду с ярко выраженной тенденцией к централизации, основанной на устойчивом национальном базисе, современное рабочее движение демонстрирует и обратные тенденции. Идея децентрализации завоевывает все больше сторонников, а вместе с ней распространяются протесты против непреложной централизованной власти. Но полагать, что подобное центробежное движение возникает из демократических порывов очнувшихся масс, было бы серьезным заблуждением. Его причина совсем в другом. Децентрализация – дело рук небольшого числа руководителей, которые, будучи частью правления партии, вынуждены подчиняться генеральному партийному управлению, но предпочитают

вернуться к незначительным региональным округам. Группы руководителей, находящиеся в меньшинстве, отдают предпочтение нежесткой национальной централизации. Они лишены возможности управлять целой страной и потому стремятся избежать власти главного управления и обосноваться за пределами сферы его влияния, властвовать пусть и в небольшой области, но полностью держать ее под контролем. Лучше быть первым в Галлии, чем вторым в Риме. Некоронованные короли Баварии не любят подыгрывать в Берлинском оркестре.

Главный лозунг большинства – централизация. Лозунг меньшинства – автономия. Последние для достижения своих целей вынуждены вести борьбу, которая в последнее время принимает форму узаконенной освободительной войны даже в терминологии борцов за свободу, которые в борьбе с тиранией вызывают тиранов на бой. Особенно отважные лидеры меньшинства даже осмеливаются бросить вызов праву большинства на существование, воплощенному в центральном исполнительном комитете. На партийном съезде итальянских социалистов в 1902 году в Имоле лидер реформистов Филиппо Турати вместе со своими партийными товарищами вынес предложение упразднить существующее партийное руководство как устаревшую авторитарную организацию и установить независимую систему отдельных партийных союзов, а также административно-исполнительного отдела из трех должностей. Это очень по-якобински – стремиться к единоличному управлению партией. Самый убедительный аргумент, приведенный противниками этой федеративно-демократической системы, заключался в том, что после упразднения партийного руководства депутаты станут ее единоличными и неконтролируемыми хозяевами. В случае когда будет необходимо принять срочное решение и не будет возможности обратиться к другим членам партии, политическую линию всего движения смогут определять члены парламентской фракции, которых выдвигала не партия, а избиратели [268]. Если допустить, что настоящая демократия возможна только внутри партии, тенденция к расщеплению полномочий окажется антидемократической, а централизм, напротив, – самой подходящей формой для утверждения воли масс. С этой точки зрения упрек Энрико Ферри в адрес реформистов выглядит весьма справедливым: их предложение упразднить партийное правление сродни желанию подавить суверенитет партийных масс, поскольку руководство партии на партийных съездах выражает волю масс на законной основе [269].

Это движение за децентрализацию «прочь-от-Рима», которому в Германии соответствует движение «прочь-от-Берлина», никак не подрывает принципов олигархии, ведь оппозиционно настроенное меньшинство, высвободившееся из-под контроля центра, сразу же устанавливает собственную централизованную власть, настолько же неограниченную, как и та, против которой эта оппозиция когда-то боролась. Таким образом, в лице подобных движений мы наблюдаем попытку разделить власть и разбить одну олигархическую систему на множество мелких, карликовых олигархических систем. К этому в своих избирательных округах стремятся депутаты Франции и Италии. В Германии, где все еще существует федерализм земель, а региональные парламенты и округа управления требуют сохранения дифференциации, компетенций и разделения труда и этим содействуют его дальнейшему существованию, имеет место карликовая олигархия в небольших региональных партиях, которые от Баварии до Гессена демонстрируют Берлину свою страсть к автономности, но на деле устанавливают авторитарную власть в своих регионах.

Фактически антицентрализм немецкой социал-демократии, особенно в южных регионах, направлен в основном против централизма берлинского толка, однако при этом ведет решительную борьбу с федерализмом внутри собственных региональных организаций [270]. Отсюда возникает стремление отдельных партийных ячеек к независимости от центральной казны в пользу финансовой самостоятельности. На съезде баварской партии в 1906 году в Швайнфурте Эрхарт заявил: «В конце концов, дело обстоит так: деньгами, поступающими в берлинскую казну, распоряжается центральный комитет партии, а деньгами, которые остаются здесь, распоряжаемся мы» [271]. Хуго Линдемманн, один из самых яростных противников пруссачества в партии и сторонник федерализма, отмечал, что нельзя допустить оттока южнонемецких средств в берлинскую центральную казну, которая стремится к накопительству [272].

Борьба, которую ведут современные демократические партии в вопросах централизации или децентрализации, важна по целому ряду причин. Было бы глупо отрицать, что в этих спорах нет и следа взглядов и этических принципов, которым следуют обе конфликтующие стороны. Однако решительно необходимо отказаться от идеи, что эта борьба ведется в пользу или, наоборот, против олигархии, за или против независимости народа или партийных масс. Потребность в децентрализации партийной власти в противовес международной централизации, то есть расширению полномочий международных комитетов, бюро и конгрессов, или же национальной централизации, то есть единому партийному правлению, не имеет ничего общего с потребностью в расширении индивидуальных свобод. Эта потребность может быть полностью оправдана практическими причинами, в особенности связанными с экономикой, социальными условиями и разным положением рабочего класса в разных регионах. Существованию олигархии в условиях партийной жизни она никак не повредит. Она может помешать лишь установлению всеобщей олигархии, но только для того, чтобы превратить ее в разменную монету и создать целую систему территориально небольших, но от того не менее властных олигархических систем управления.

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:48:32

Зверобой обновил 19 января 2026 23:48:56